

БАТРАКЪ.

Жилъ въ селѣ попъ съ женой. Нанялъ онъ себѣ батрака и уговорились: «если попъ будетъ батрака ссылатъ, то чтобы ему двойное жалованье отдать; если батракъ самъ сойдетъ, то жалованья ему ничего не брать.» Вотъ живетъ батракъ у попа и мѣсяцъ и два. Пришло лѣто, сталъ его попъ на луга посылать овецъ стеречь.

Вотъ батракъ купилъ себѣ два пуда ладону, вышелъ на лугъ, зажегъ его и началъ Богу молиться. Вдругъ и услышалъ онъ голосъ: «батракъ, о чемъ ты молишься?»—Батракъ и говоритъ: «а вотъ о чемъ я молюсь, чтобъ Господь сослалъ такую дудку: когда я заиграю, чтобъ кругомъ меня всѣ плясали.»—Неуспѣлъ онъ выговорить, вдругъ дудка летитъ съ неба и упала подлѣ него. Взялъ батракъ дудку и заигралъ на ней, и вдругъ всѣ овцы заплясали; игралъ, игралъ батракъ, а овцы все пляшутъ. Пересталъ батракъ играть, и овцы перестали. И разъ такъ сдѣлалъ батракъ и другой разъ сдѣлалъ. Сталъ попъ замѣчать, что овцы худѣть стали и вздумалъ онъ посмотрѣть, что съ ними батракъ дѣлаетъ въ полѣ.

Сталъ батракъ рано утромъ овецъ выгонять, а попъ присѣлъ между ними и идетъ среди ихъ. Батракъ будто незамѣчаетъ, гонить овецъ; нѣтъ, нѣтъ, да и *стегнетъ* ихъ кнутомъ, да все нарочитъ прямо попу въ голову. Выгнавъ батракъ овецъ въ поле, вынулъ дудку и заигралъ на ней, овцы заплясали. вскочилъ попъ изъ средины и началъ плясать въ присядку; *умутился* бѣдный попъ; потъ градомъ течетъ съ него, а батракъ все играетъ. Сталъ попъ просить батрака, чтобы пересталъ играть, а онъ и не слушаетъ.—Пересталъ батракъ играть, попъ выскочилъ изъ стада, пустился бѣгомъ бѣжать домой.

Прибѣгаетъ, разсказалъ женѣ. «Вотъ, говоритъ, жена, у нашего батрака какая есть дудка! Заиграетъ, такъ все запляшетъ!» Стала попадья бранить попа, что онъ дуракъ, что плясалъ нарочно.—«А вотъ, говоритъ, онъ придетъ съ поля, я попрошу его сыграть.» Сталъ попъ просить попадью: «посади меня въ коробъ, привяжи на чердакъ за перекладину, чтобъ не слышно было.» Попадья такъ и сдѣлала. Пришелъ вечеръ; пригналъ батракъ овецъ съ поля; стала его попадья просить, чтобъ онъ на дудкѣ сыгралъ.

Батракъ вынулъ дудку, заигралъ. Дѣло то было подъ праздникъ; попадья въ это время пироги мѣсила, да какъ было у ней на рукахъ тѣсто, такъ и пошла плясать, переваливаетъ тѣсто съ руки на руку. Услыхалъ попъ на чердакѣ; тѣсно ему тамъ плясать въ коробѣ; вотъ онъ нѣтъ, нѣтъ да стукъ объ крышку головой, сорвался съ перекладины со всѣмъ коробомъ, убился больно, прошибъ головой крышку, выскочилъ изъ короба и началъ на чердакѣ въ присядку плясать. Устала попадья плясать и тѣсто вывалилось у ней изъ рукъ, а батракъ не перестаетъ играть. Бросилъ батракъ играть, пошелъ на дворъ. Повалилась попадья среди полу, охаетъ отъ *устали*. Пришелъ попъ съ чердака; отъ устали духу не переведетъ; повалился тоже на полъ и отдыхали они до самаго свѣту.

Утромъ рано они стали совѣтъ держать, куда бы имъ батрака дѣвать. Была у попа на болотѣ мельница; лѣтъ тридцать ужъ не молола она; черти поселились въ ней, не даютъ никому ни проѣзду, ни пропуску. Попъ и вздумалъ на эту мельницу батрака послать съ чертей оброкъ собрать. «Авось, говоритъ, они его тамъ задушатъ.» Всталъ батракъ; попъ сталъ его посылать на мельницу. Батракъ отнѣкивается; однако нечего дѣлать, сталъ просить лошадь. Попу и ло-

шади не жаль; далъ ему. Запрегъ батракъ лошадь въ телегу и поѣхалъ.

Ѣхалъ, ѣхалъ батракъ и приѣхалъ къ мельницѣ; отрѣзалъ веревку отъ возжей, сплелъ ее конецъ съ концемъ, сѣлъ на берегу, дожидается чертей, вертитъ въ рукахъ веревку. Вдругъ выскочилъ изъ болота чертенокъ и говоритъ батраку: «что ты здѣсь дѣлаешь?» Батракъ и говоритъ ему: «отдайте мнѣ оброкъ за всѣ года, сколько вы здѣсь прожили! А то вотъ я свилъ веревку безъ конца, безъ начала, всѣхъ васъ изъ болота повытаскаю!»—Чудно стало чертенку; не видалъ онъ такихъ веревокъ. «Покажи, говоритъ, мнѣ эту веревку.» Подалъ ему батракъ веревку; чертенокъ взялъ въ руки; вертѣлъ вертѣлъ и удивился: нѣтъ ни начала, ни конца; отдалъ назадъ. «Постой, говоритъ, я пойду, дѣдушкѣ скажу.» Шмыгнулъ хвостомъ, скочилъ въ воду. Остался батракъ одинъ на берегу; сидѣлъ, сидѣлъ; скучно ему стало; сталъ онъ чертей бранить, что долго нейдутъ къ нему съ деньгами.

Вдругъ ползетъ изъ воды чертенокъ, кряхтитъ, тащитъ. Батракъ обрадовался, думаетъ, что онъ пудовъ двадцать волокетъ ему. Выползаетъ чертенокъ изъ воды и тащитъ за собой желѣзную палку въ тридцать пудовъ. Сталъ чертенокъ говорить батраку: «вотъ дѣдушка прислалъ эту палку: кто выше изъ насъ ее закинетъ кверху, тотъ и правъ.»—Ну, кидай! — Чертъ кинулъ палку кверху такъ что чуть видно ее стало, слетѣла внизъ, ударилась о землю такъ шибко: земля затряслась.—Ухватилъ батракъ палку и не подыметъ ее. Приподнялъ кое-какъ на колѣно да и глядитъ кверху. Чертъ его и спрашиваетъ: «что ты глядишь? Кидай!» Батракъ и говоритъ: постой! Дай вотъ зайдетъ облоко, я ее на облоко закину, тамъ она и останется.—Испугался чертенокъ: палка была у дѣда любимая. Строго было при-

казано не потерять ее, а то въ омутъ не пустятъ. Схватилъ чертенокъ палку да въ воду скорѣе.

Недолго онъ тамъ былъ, выходитъ опять и говоритъ: «дѣдушка приказалъ: кто изъ насъ кого поборетъ, тотъ и будетъ правъ.»—Усмѣхнулся батракъ да и говоритъ черту: «гдѣ ужь, говорить, тебѣ меня побороты! У меня есть дѣдъ во сто лѣтъ, ты и его не поборешь.» Сталъ чертъ просить показать ему дѣда, а чертенокъ былъ очень силенъ: онъ одной рукой поборалъ самаго сильнаго богатыря. Привелъ батракъ черта къ медвѣжьей берлогѣ и говоритъ ему, чтобы онъ слазилъ туда, посмотрѣлъ его. Полѣзъ чертъ въ берлогу и началъ манить медвѣдя, чтобъ вышелъ, поборолся съ нимъ. Осерчалъ медвѣдь, вышелъ изъ берлоги, ухватилъ черта поперегъ да и ну его ломать: всѣ кости ему переломалъ. Кричалъ, кричалъ чертъ, чтобы дѣдъ погодилъ, далъ ему ухватиться хорошенько. Нѣтъ, дѣдъ—медвѣдь не слушаетъ; знай, ломаетъ его, въ бараній рогъ согнулъ. Вырвался чертенокъ изъ медвѣжьихъ лапъ да поскорѣе въ воду.

Опять сѣлъ батракъ на берегу, поджидаетъ чертенка; не долго ждалъ; выходитъ опять чертенокъ и говоритъ батраку: «вотъ дѣдушка приказалъ: кто изъ насъ кого перегонитъ, тотъ правъ будетъ.» Усмѣхнулся батракъ и говоритъ черту: «гдѣ ужь, говорить, тебѣ меня перегнать; у меня есть племянникъ безъ году семь недѣль да и тотъ перегонитъ тебя.» Сталъ чертъ просить показать ему племянника; а чертъ былъ *рызовъ*: всегда сапоги-сороходы перегонялъ. Привелъ батракъ черта къ зайчей норѣ, свистнулъ. Выскочилъ оттуда заяцъ и пустился бѣжать. Чертъ кричитъ: «погоди, погоди! дай въ ровень встать!»—Заяцъ не слушаетъ, знай бѣжить. Юркнулъ чертъ опять въ воду.

Сѣлъ батракъ на берегу, ждетъ, чѣмъ дѣло кончится. Выскочилъ опять чертенокъ и говоритъ: «дѣдушка приказалъ:

кто изъ насъ свистнетъ сильнѣе, тотъ и правъ будетъ.» А чертъ шибко свисталъ; когда сидѣлъ онъ у Ильи Муромца, свистомъ съ ногъ людей сбивалъ за сто верстъ. Осерчалъ батракъ. «Что, говорить, я въ *насмѣшку* что ли дался?» Испугался чертенокъ. «Это, говорить, послѣднее; больше и беспокоить не будемъ.» Велѣлъ батракъ черту свиснуть. Свистнулъ чертъ такъ шибко, что листья съ деревьевъ посыпались, а батракъ насилу на ногахъ устоялъ. Пришло время батраку свистѣть. Смѣтилъ батракъ, что ему такъ не свистнуть и говорить черту: «жаль, говорить, мнѣ тебя: не выдержишь ты моего свиста. А вотъ лучше сядь на пригорокъ, закрой глаза да зажми уши, тебѣ все таки легче будетъ.» Усѣлся чертъ на пригоркѣ, закрылъ глаза, заткнулъ уши да и ждетъ, какъ свистнетъ батракъ. А батракъ подошелъ къ телѣгѣ, вынулъ оттуда дубинку да какъ *свистнетъ* ей черта по уху: у того искры изъ глазъ посыпались. Скатился кубаремъ чертъ въ омутъ, а батракъ сѣлъ на берегу да поджидаетъ, когда чертъ выйдетъ къ нему. (*)

Недолго онъ его ждалъ. Выходитъ чертенокъ изъ воды и спрашиваетъ его: сколько ему надо денегъ за выкупъ?— Батракъ и говорить: «мнѣ немного надобно; вотъ всего эту шляпу насыпать золотомъ.» Чертъ хлопнулъ хвостомъ, прыгнулъ въ воду да про себя и смѣется: экой дуракъ этотъ

(*) Ср. выпускъ 1, № 27 и выпускъ 2, № 71. Вариантъ, записанный мной въ Дмитріевскомъ уѣздѣ, Московской губерніи, въ сельцѣ Хорошиловѣ. «Жилъ у мужика работникъ; и у этого мужика былъ прудъ и сколько въ этомъ пруду было чертей...И послалъ этотъ мужикъ работника выкликать чертей. Онъ пошелъ, выкликалъ. Вышелъ самъ атаманъ, выводитъ маленькихъ чертенятокъ ..... Опять вышелъ изъ воды чертенокъ. «Давай: кто шипче свистнетъ.»— «Ну, *'свистай!*»— Чертенокъ свистнулъ, всѣ листья съ осинъ посыпались. Вотъ этотъ работникъ говоритъ чертенку: «зажмурься!» Взялъ пещню да какъ пещней-то его *оттедова шваркнетъ!*...

батракъ! Старался, старался, а все нѣтъ шляпы золота; я бы на его мѣстѣ и цѣлой бочки не взялъ; а батракъ отошелъ немного отъ берега, вырылъ глубокую яму и сдѣлалъ къверху уже; выбилъ дно у шляпы да и поставилъ ее надъ ямой. Стало смеркаться; глядь, чертъ тащитъ большой мѣшокъ золота; думалъ, что много будетъ; высыпалъ, не достало. Сбѣгалъ за другимъ мѣшкомъ—и этаго мало. Пять мѣшковъ принесъ, все мало. Прибилъ водяной чертенка, что много денегъ перетаскалъ, а дѣлать нечего, давать надо по уговору. Стащилъ чертенюкъ еще три мѣшка и насыпалъ полную шляпу. Лишь только ушелъ чертенюкъ въ воду, батракъ насыпалъ полную телѣгу золота, а что осталось, землей прикрылъ и поѣхалъ къ хозяину.

Попъ былъ въ это время въ полѣ; увидалъ издалека, что ѣдетъ батракъ. Пріѣхалъ батракъ домой; попъ съ попадѣй обрадовались, что онъ столько золота привезъ. Вотъ попъ велѣлъ ссыпать золото въ амбаръ и велѣлъ батраку остаться его караулить. Сидитъ батракъ, караулить золото, не отходить отъ амбара. На другой день приходятъ, зовутъ попа на поминки; попъ радъ зову, уходитъ да и приказываетъ батраку: «смотри, говоритъ, батракъ; я пойду на поминки, ты все смотри на дверь; отъ ней ни куда не уходи, а то у насъ унесутъ золото.» Ушелъ попъ. Вдругъ вспомнилъ батракъ, что онъ не сказалъ попу, что, вѣдь, золото надо съ нимъ пополамъ дѣлать; взялъ снялъ съ петли дверь, идетъ по улицѣ и все смотритъ на нее. Приходитъ въ тотъ домъ, гдѣ былъ попъ на поминкахъ, а съ двери и глазъ не спускаетъ. Увидалъ попъ батрака, выскочилъ изъ обѣда, сталъ бранить его. Батракъ и говоритъ ему: «ты, говоритъ, велѣлъ мнѣ на дверь смотрѣть; вотъ я все смотрю на нее.» — Пошли домой посмотрѣть: цѣло ли въ амбарѣ золото, а его унесли.

Въ этомъ царствѣ, въ которомъ жилъ попъ, былъ царь и у него была дочь прекрасавица собой и разослалъ царь вѣсть по всему своему царству, что если кто скажетъ: какая у его дочери на тѣлѣ примѣта, за того ее и замужъ отдастъ. Услыхалъ это батракъ и началъ проситься у попа къ царю. Попъ отпустилъ его. А батракъ зналъ, какая у царевны на тѣлѣ примѣта. Разъ гуляла она въ полѣ, а батракъ на дудкѣ игралъ, а овечки плясали; царевна и попросила у него себѣ парочку маленькихъ овечекъ, чтобъ они ее пляской забавляли. Батракъ согласился дать ей пару овечекъ, но съ такимъ уговоромъ, чтобы она сказала ему: какая у нея на тѣлѣ примѣта есть; она и сказала, что у нея подъ мышкой золотой волосокъ растетъ. (*)

(*) Варіантъ, записанный мной въ Казани. *Малышъ крестьянскій и дворникъ*. Жилъ былъ мальчикъ крестьянскій; имѣлъ у себя только скотины одну свинью съ тремя поросятами. Выгонилъ ее въ поле пасти, сидитъ на пенечкѣ, играетъ въ свою дудочку; свинья съ поросятами знай пляшетъ передъ нимъ.—Была у царя дочь; узнала она, что у эдакаго мальчика свинья съ поросятами пляшетъ. Вздумала она купить у мальчика хоть поросеночковъ. Приѣзжаетъ къ мальчику; мальчикъ сидитъ на пенечкѣ, играетъ въ свою дудочку, а свинья съ поросятами танцуетъ. Говоритъ ему царская дочь: «мальчикъ, продай ты мнѣ поросятковъ!» У меня, говоритъ, они не продажны, а завѣтны.—«Сколько у тебя завѣту?» — Сказать на своемъ тѣлѣ примѣту!—Та ему сказала примѣту; онъ и отпустилъ ей поросятковъ.—Привезла она ихъ домой, созвала музыкантовъ. Музыканты разыграли; поросята ужасно испугались, даже визжать. Царская дочь и думаетъ: «вѣрно, они скучаютъ безъ матки! Поѣду, куплю у него матку.»—Сказала она ему другую примѣту, онъ и отпустилъ съ ней свинью.—Привозитъ свинью въ свой домъ, собрала музыкантовъ; музыканты разыграли: нѣтъ, не пляшутъ, бросаются туда-сюда, боятся. Государь смотритъ: «дочь моя любимая, създи, говоритъ, за этимъ за мальчикомъ; позови его на пиръ: отчего у тебя поросята не пляшутъ?» Позвала она мальчика; мальчикъ пришелъ на пиръ. Дала мальчику стулъ, посадила его, и всѣ музыканты смотрятъ,

Въ этотъ день, когда царь назначилъ всѣмъ собраться отгадывать, пришло во дворецъ множество министровъ, князей, генераловъ и батракъ съ ними, не умытый, взъерошенный, сѣлъ на золотое кресло. Сталъ царь обходить всѣхъ, спрашивать: никто не знаетъ, какая есть у царевны примѣта. А подлѣ батрака сидѣлъ генералъ. Подходитъ царь къ батраку и говоритъ: «зачѣмъ ты, мужикъ неотесанный, явился въ царскія палаты?»—Батракъ отвѣчалъ, что «я, говоритъ, знаю какая есть у царевны примѣта.»—Какая?—«У нее, говоритъ, золотой волосокъ подъ мышкой растетъ.» Вдругъ и генералъ за нимъ проговорить: у нее золотой волосокъ подъ мышкой растетъ!—А генералъ вовсе не зналъ; такъ ужъ за батракомъ проговорилъ. Царь и задумался: за кого дочь за мужъ отдать? Оба проговорили вмѣстѣ.—Велѣлъ составить совѣтъ. Совѣтъ и присудилъ положить ихъ всѣхъ

что крестьянскаго мальчика посадили на стулъ; всѣмъ удивлень!—Мальчикъ взыгралъ въ свою дудочку; и пошла свинья съ поросятами танцовать. Музыкантамъ въ обиду сдѣлалось, что по ихъ музыкѣ свинка не пляшетъ, а у крестьянскаго мальчика пошла танцовать.— Вотъ государь вздумалъ свою дочь за мужъ отдавать; говорить: «кто у моей дочери примѣты знаетъ, за того и за мужъ отдамъ.» Вотъ всѣ господа собрались, говорятъ примѣты: тотъ то; другой другое; третій третье. Мальчикъ вдругъ и сказалъ: «у вашей дочери подъ колѣнкомъ серебряный волосокъ, а подъ пазухой золотой.» Одинъ дворянинъ и говоритъ: «я, говоритъ, хотѣлъ тоже сказать да не успѣлъ.» Царь и думаетъ: не охота мнѣ дочь отдать за крестьянскаго мальчика, а онъ мнѣ всю правду сказалъ; лутче отдать за дворянина, который не успѣлъ.—Государь выдумалъ еще: «пусть посажу мальчика и дворянина за столъ; велю подать разныхъ фруктовъ: кто изъ нихъ будетъ честнѣе кушать?»—Посадили дворянина и мальчика за столъ. Дворянинъ радъ, припалъ; ѣстъ, не наѣстся. А мальчикъ честно кушаетъ того и другаго по немножку и откладываетъ въ кармашикъ. Государь смотритъ, думаетъ: «не охота мнѣ за крестьянскаго мальчика дочь отдать, хотя мальчикъ все честно дѣлаетъ, а дворянинъ нечестно»....

вмѣстѣ спать; царевну въ середину; къ кому она утромъ лицомъ обернется, за того и отдать за мужъ.

Вотъ подали разныхъ закусокъ, фруктовъ; угощаютъ и министровъ, и князей, и генераловъ; и батрака угощаютъ. Батракъ ничего не ѣстъ, а возьметъ горсть изюму и черносливу да положить въ карманъ; и набралъ онъ полный карманъ. Потомъ подошелъ ужинъ; батракъ и за ужиномъ ничего не ѣлъ, а тотъ генералъ ничему спуску не даетъ, такъ и убираетъ во всѣ лопатки. Послѣ ужина увели царевну, генерала и батрака спать и положили всѣхъ рядомъ; царевну въ середку. . . (**)

(**) Вариантъ, записанный мною въ с. Жолчинѣ, Рязанскаго уѣзда. *Дурачекъ и дворникъ*. Жили были у отца три сына, двое умныхъ, третій дуракъ. А у государя была дочь красавица: ни за кого за мужъ нейдетъ. А кто ее разсмѣетъ, за того ее за мужъ отдадутъ. Умные братья поѣхали государеву дочь *разсмѣивать*; а дуракъ пошелъ въ кабакъ. Видитъ: несетъ мужикъ мышъ убить въ поле; а дуракъ и говоритъ: «продай, говоритъ, мышъ, гривенникъ дамъ.» Купилъ мышъ, посадилъ въ карманъ. — Приходитъ къ отцу. «Батюшка, дай мнѣ еще гривенникъ; я пойду пропью.» Взялъ гривенникъ, пошелъ, видитъ: мужикъ несетъ рака бить. «Мужикъ, куда не сешь рака?» — Бить несущу. — «Продай мнѣ его!» — «Что дамъ?» — «Гривенникъ.» Купилъ; посадилъ и рака въ карманъ. Приходитъ къ отцу. «Батюшка, дай еще гривенникъ; я пойду, пропью.» Взялъ гривенникъ; пошелъ, видитъ: мужикъ идетъ; жука несетъ. Купилъ онъ у него этаго жука за гривенникъ. Остались у него еще деньги; онъ пошелъ, выпилъ шкаликъ; и пошелъ къ тому мѣсту, гдѣ государеву дочь *разсмѣиваютъ*.

Приходитъ; сталъ противъ окна, гдѣ она сидѣла; притворился пьянымъ; картузъ съ него слетѣлъ; платокъ изъ кармана выпалъ; перчатки спали. Жукъ ухватилъ платокъ; ракъ взялъ перчатки; а мышъ взяла шапку. Дуракъ всталъ и пошелъ; и они за нимъ. *Добрѣ* (очень) царевнѣ смѣшно стало. А было сколько царей съ музыкой, не могли разсмѣшить! . .

Сейчасъ этаго дурачка повели къ ней въ горницу; и хотятъ его оставить ночевать съ ней (царевной). А на дорогѣ къ ней дворникъ. Дворникъ и говоритъ: «братъ, не говори ты съ ней ничего; вотъ

ихъ комнату и видитъ, что царевна обратилась лицомъ къ батраку, подумалъ, что ей батракъ полюбился и отдалъ ее за него за мужъ, а генералу отказалъ. Сталъ жить да поживать батракъ съ молодой женой; выкопалъ свое золото, что получилъ отъ чертей на мельницѣ; послѣ сдѣлался царемъ и сталъ править своимъ царствомъ.

(Записана С. И. Бочарниковымъ въ г. Зарайскѣ.)

СЫНЬ-БЫЧЕКЪ.

Пилъ попъ чай и растолстѣлъ. А у нихъ въ селѣ была бабка-угадка. Вотъ попъ и посылаетъ къ ней работника развѣдать о себѣ. «Батюшка, говоритъ, родить да бычка.» Пришелъ работникъ, сказываетъ. «Ну, матушка, матушка! суши скорѣе сухарей. Я, говоритъ, пойду».—Вотъ она ему насунула сухарей; онъ (попъ) и пошелъ въ походъ. Идетъ: мужика съѣли звѣри; одна нога осталась въ сапогѣ. Онъ этотъ сапогъ взялъ съ собой; пришелъ на станцію, на печку легъ. — У этихъ у хозяевъ на эту ночь отелилась корова; холодно было; бычекъ-то замерзъ; они его и положили на печку за попа. А попъ спитъ; проснулся, слышитъ: бычекъ-то и мычитъ. «Слава Богу! говоритъ. Не слышалъ, какъ и родилъ». И бѣжать по скорѣе, бросилъ и бычка и

тебѣ сто рублей даю.» Онъ эти сто рублей взял; пошелъ. Она его обнимаетъ, цѣлуетъ; а онъ все молчитъ; ничего не сказываетъ. Утромъ они просыпаются; отецъ приходитъ къ нимъ въ спальню и спрашиваетъ: «ну, что хорошъ ли у тебя женихъ?»—Она ему отвѣчаетъ сквозь зубы: «хорошъ!»—На вторую ночь тоже. На третью тоже. По утру опять приходитъ отецъ и спрашиваетъ: ну, что хорошъ ли у тебя женихъ?—Она ему отвѣчаетъ: нѣмой; онъ ничего не *сугаритъ* (говоритъ). «А когда, говоритъ, онъ нѣмой»; взяли его въ каменный столбъ посадили . . . Потомъ наступила очередь дворянина; но и ему несчастливалося; его подняли на ворота и разстрѣляли, а дурачекъ женился.